

Внезапно лица князя Ци, Цзи Хуана и других представителей Дома Чжоу, которые казались столь ненавистными и раздражающими, в его сознании растворились, превратившись в пустоту, а затем в дым, и даже оставшийся пепел не занял много места.

Лишь черты юноши перед ним становились всё более яркими.

Он был действительно красив.

Его брови, конечно, напоминали далёкие горы, зелёные и величественные, глаза — чистые и ясные, как осенние воды, но сияние гордости, переливающееся между ними, было ещё более ослепительным, чем красота гор и вод.

Говорить, что его дух — это осенняя вода, а кости — нефрит, было бы слишком унижительно.

Юноша обладал собственным сиянием и непоколебимой гордостью.

Цзян Цзинсин всегда был человеком, с которым легко было договориться.

Но эта лёгкость в общении с Се Жунцзяо быстро превратилась в отсутствие всяких границ.

— Хорошо, я поговорю с Фан Линьхэ.

К чёрту этот Дом Чжоу.

Восточная Пустошь понесла серьёзные потери, и, узнав, что в отряде, отправившемся на Северную охоту, есть сильные личности, они не рискнут нападать снова. Даже если вождь и двенадцать племён не ладят между собой, они не станут просто так отдавать головы Цзян Цзинсину, иначе это будет слишком болезненно.

Раз уж смерть не грозит, и он выполнил клятву Врат Меча спасти учеников, пусть князь Ци и Цзи Хуан думают, что хотят.

Се Жунцзяо улыбнулся, его глаза и губы изогнулись от радости.

Он не любил Дом Чжоу, и делал это с чистой совестью.

Цзян Цзинсин, вероятно, ненавидел Дом Чжоу ещё сильнее.

Цзян Цзинсин поступил правильно: Цзи Хуан не должен умирать, и Цзян Цзинсин не должен его убивать.

Но не убивать Цзи Хуана и быть привязанным к Дому Чжоу во время Северной охоты, став их талисманом и защитой, — это две разные вещи.

С какой стати?

Цзян Цзинсин был человеком разумным, поэтому он не убил Цзи Хуана. Он пообещал Ян Жопу заботиться об учениках Врат Меча, дал клятву спасти их и сохранил своё сердце меча, поэтому он спас Дом Чжоу.

Обещание Святого нельзя нарушить, даже если небо и земля перевернутся.

Но Цзян Цзинсин был человеком столь свободным и безрассудным, что быть связанным с Домом Чжоу было для него хуже, чем выпить десять чашекпряного чая.

Се Жунцзяо не хотел, чтобы Цзян Цзинсин страдал, поэтому он предложил разделиться, как будто это было само собой разумеющимся.

Сейчас он улыбался от счастья.

Ночь в Северной Пустоши была как чернильное пятно, неподвижная и тяжёлая, лишь редкие огни в палатках на равнине, как звёзды, зажжённые в кромешной тьме, добавляли немного жизни.

Место, где собрались двенадцать племён, было ярко освещено, словно город из палаток. Сильный ветер развевал кисти и бахрому на вершинах шатров, звонко позванивая, огни колебались, и в свете, падающем на землю, был виден всадник.

Его конь был великолепным скакуном, ярко-красным, как кровь. Человеком была невероятно красивая молодая женщина в красном одеянии, с пером феникса в волосах, сияющим ярким светом.

Она носила на поясе драгоценный меч и громко смеялась, сидя на спине коня:

— Как здорово! Давно я не убивала с таким удовольствием!

За ней следовали шестнадцать всадников, а рядом, несмотря на её стремительную езду, летел чёрный орёл, всегда оставаясь в шаге от неё.

Казалось, что ветер особенно благоволил её красоте: куда бы она ни направлялась, огни сияли ярче, и на огромной равнине можно было видеть лишь её одну, как падающее солнце, чья яркость готова была сжечь всю землю.

Внезапно она дёрнула поводья, и конь, поняв её намерение, остановился, подняв клубы пыли:

— О? Почему Буцы послал мне сигнал? У него же там Цзян, что могло случиться? В любом случае, эта поездка не была напрасной, стоит навестить его.

Она почти превратилась в красный дым, проносясь по сухой земле под копытами коня, а за ней безмолвно следовали шестнадцать всадников, не задавая вопросов и не выражая сомнений.

Они были закалёнными в битвах воинами, сильнейшими в армии Гуйюань.

Талантливые люди обладают гордостью.

Даже если бы перед ними был сам император Великого Чжоу или Святой, они не стали бы относиться к ним с таким уважением, как к женщине на коне.

Женщину на коне звали Се Жунхуа.

Но она была более известна как Се Гуйюань.

Гуйюань, что означает «возвращение мира».

Фан Линьхэ не дал Се Жунцзяо возможности найти его.

Он с холодным выражением лица откинул занавеску повозки, не утруждая себя приветствиями:

— Ситуация изменилась, прошу вас выйти и посмотреть.

В ночном небе на юге и севере взорвались фейерверки: на юге — символ инь-ян, на севере — изображение гор и вод.

Оба находились в десятках ли от них.

Символ инь-ян был эмблемой Секты Закона, а изображение гор и вод — Академии Буцзэ.

Две из трёх сект одновременно оказались в опасности.

Се Жунцзяо первым заговорил:

— Учитель, вы отправляйтесь к Секте Закона, а я поеду в Академию Буцзэ.

В его глазах была непоколебимая решимость, словно он уже принял окончательное решение.

Цзян Цзинсин, конечно, мог бы выпустить два потока ци меча, чтобы спасти обе секты.

Но если бы он так поступил, то факт присутствия Святого в пустоши стал бы известен главам племён и всем, кто находился на этапе небесного человека, и скрыть это уже было бы невозможно.

Мир в глазах небесного человека таинственен и непостижим.

Главы племён хотят убивать, а люди должны быть спасены.

Единственное решение — отправить Се Жунцзяо в одно место, так как их ци меча благородства исходят из одного источника. Под прикрытием Се Жунцзяо Цзян Цзинсин сможет выпустить меч за сотню ли, скрыв своё истинное присутствие.

— Нет, — быстро отказал Цзян Цзинсин. — Я не сомневаюсь в тебе, Ацы, но есть причина, по которой я не могу позволить тебе отправиться одному.

Улыбка на его лице была странной вещью: когда он улыбался, сердца молодых девушек трепетали, а юноши на улице хотели заговорить с ним. Когда он не улыбался, он был как Святой, величественный и недоступный, как гора Тайшань, глубокий и непостижимый, как Южное море.

Он был Святым.

Только Святой мог быть описан как самое величественное и прекрасное в мире.

Се Жунцзяо не испугался его напускного вида и настаивал:

— Главы племён хотят убивать, а люди должны быть спасены.

Не только ради выполнения обещания, но и ради справедливости в сердце и ци благородства в мече.

Поэтому он должен был идти.

Был ещё один человек, который не боялся его.

— Если вы беспокоитесь, я пойду с братом Се, — холодно сказал Фан Линьхэ, глядя на меч. — Это правильно.

Цзян Цзинсин:

— Разве не ты советовал мне не рисковать и не спасать Дом Чжоу???

Он не совсем понимал, о чём думает современная молодёжь.

Возможно, после Северной охоты стоит вернуться в Фэнлин и выпить с Се Хуанем, чтобы обсудить, как жизнь непредсказуема, а время не щадит никого.

— После этих слов должно было быть продолжение.

Фан Линьхэ поправил его, бережно протерев меч, и звук, с которым он вложил его в ножны, словно подготовил почву для следующих слов:

— Прошу вас позаботиться об учениках Врат Меча, я хочу отправиться, чтобы доказать свой путь меча.

Это были слова, которые он хотел сказать Цзян Цзинсину, когда пятикоготный золотой дракон появился в небе, но не сказал.

И слова, которые он хотел сказать Цзян Цзинсину сейчас, когда символы гор и вод и инь-ян всё ещё висели в небе.

Всё вместе, в духе лаконичности мечника.

— Я хоть и ел в одной закуской с учениками академии, считаю их товарищем, и не могу не спасти их.

Слова Се Жунцзяо звучали как лёгкие снежинки, без лишних слов, но трогали сердце.

Он протянул руку, с лёгкой улыбкой, как луна, которая всегда скрыта за густыми облаками в ночи Северной Пустоши, чем выше, тем драгоценнее, тем прекраснее, что невозможно смотреть прямо:

— Поэтому, учитель, одолжите мне меч, чтобы уничтожить демонов и доказать путь.

Рука никогда не сможет победить ногу, простой человек никогда не сможет противостоять богу богатства, а Цзян Цзинсин никогда не сможет переубедить своего предка.

Он мог только отправиться с учениками Врат Меча к Секте Закона, позволив Се Жунцзяо и Фан Линьхэ отправиться в академию в духе мечников.

Двенадцать племён Восточной Пустоши делились на драконов, тигров, волков и орлов, каждое племя состояло из трёх частей, обозначенных красным, синим и белым цветами.

Среди троих, осаждавших Секту Закона, двое были вождями племён волков, а третий, судя по его стилю боя, скорее всего, был из Западной Пустоши.

Хотя старший мастер Секты Закона был искусен в магии, под натиском троих мастеров большой колесницы он не мог избежать нескольких ошибок, несмотря на все свои усилия, и выглядел весьма потрёпанным.

Он передал голосом Юй Инцю, которая сражалась с полумастером большой колесницы:

— Инцю, если всё пойдёт совсем плохо, я взорву себя, чтобы открыть вам путь, а ты воспользуйся хаосом, чтобы увести учеников.

Его слова были полны тяжести, заставляя сердце Юй Инцю сжаться. Но её движения оставались точными, её ладони двигались плавно, без малейшего изъяна, так что даже песчинка не могла проникнуть сквозь её защиту.

Полумастер большой колесницы, с которым она сражалась, атаковал когтями, направляя их в несколько жизненно важных точек на её теле, каждый палец давил, как гора, обрушивающаяся на землю, сочетая жестокость и мощь.

Полумастер с сожалением улыбнулся:

— Какая красивая девушка? Лучше бы ты сдалась мне, чем лежать в этой пустоши.

<http://bllate.org/book/16198/1453633>